

Левин Натан Феликсович,
краевед,
почетный гражданин города Пскова

Киселева Елена Григорьевна,
заведующая отделом краеведческой
литературы Псковской областной
универсальной научной библиотеки

АЛЕКСАНДР ПЩЁЛКО – СУДЬЯ И ПИСАТЕЛЬ

Писатель Александр Пщёлко – новое имя в псковском краеведении. Он не отмечен ни в «Псковской энциклопедии», ни в «Псковском биографическом словаре», ни в краеведческой картотеке областной библиотеки. Мы узнали о нём при подготовке к чтениям, посвящённым столетию приезда И. А. Бунина в Себежский уезд. Его пригласил туда почти забытый поэт, уроженец Вышегородской волости Порховского уезда Александр Черемнов (1881-1919), живший с 1907 года у помещицы Миловидовой в её имении Клеевка рядом с волостным центром Сутоки Себежского уезда. Ещё до знакомства с Буниным Черемнов печатался в сборниках товарищества «Знание», руководимого Горьким, и вёл с ним активную переписку. Они

часто обсуждали и вопросы литературной жизни России. В ноябре 1910 года Горький спросил Черемнова: «Знаете Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янка Купала? Я недавно познакомился с ними – нравятся! Просто, душевно и, видимо, поистине – народно. У Купала есть небольшая поэмка «Адвочная песня» – вот бы перевести её на великорусский язык!».

В письме от 26 ноября Черемнов ответил на эти вопросы: «Я очень рад, что Вам попались на глаза белорусские стихи. Я как раз хотел познакомить Вас с произведениями одного писателя белоруса. Это некий А. Р. Пщёлко, беллетрист, пишущий по-русски и пользующийся некоторой известностью в белорусском крае как бытописатель и талантливый рассказчик». До сих пор он печатался лишь в «скверных петербургских изданиях», а книги издавал в Витебске, не имея связей и знакомств. Он – типичный белорус, сын дьячка Лепельского уезда, до 14 лет пас «в последовательном порядке гусей, свиней и коров», затем учился в духовной школе и семинарии. «Был дьячком, учителем, окончил Юрьевский университет и теперь прозябает в г. Себеже в шкуре городского судьи. В Себеже он ссорится с обывателями, увлекается китайской культурой огородов и пишет талантливые очерки из жизни белорусов».

Черемнов считал, что издать произведения Пщёлко следует, обещал выслать Горькому его книги и повторил: «Он – настоящий талант, хотя односторонний до крайности... Зато белорусский быт и нравы он знает, как никто, и описывает их мастерски. Есть у него драматический этюд «Янкина жалоба» – прямо художественной работы». По мнению Черемнова, для произведений Пщёлко нужна внимательная и любящая рука редактора, так как сам он едва ли понимает, что у него хорошо, а что плохо. И добавил: «Других белорусских писателей (Янку Купалу, Коласа и Янку Тычину) я лично не знаю, но кое-что читал... Хорошее дело сделали бы Вы, если бы познакомили русскую публику с белорусами! Ведь, к стыду нашему, о Бело-

русии и белорусах в Петербурге знают меньше, чем о жителях Новой Гвинее».

Документы Юрьевского (Тартуского) университета хранятся в Эстонском государственном историческом архиве. На наш запрос от главного специалиста архива Т. К. Шор поступила обстоятельная информация, позволяющая рассказать многое о дореволюционной жизни Александра Пщёлко. Его портреты также поступили из Эстонского государственного исторического архива.

Его дед был священником; отец Роман Степанович (по церковному – Стефанович) родился в селе Турцы Полоцкого уезда Витебской губернии, окончил Полоцкое духовное училище, а семинарию покинул из-за болезни. С 1848 года он последова-

тельно служил пономарём в Струнской, Туржецкой, Дубравской, Ананасковичской церквах. Через 20 лет, когда у него с женой Анной Степановной было уже четверо детей, Романа Пщёлко перевели дьячком в Иоанно-Предтеченскую церковь Черствятского прихода Лепельского уезда. Ныне это деревня Черсцвяты Ушачского района Витебской области. Именно там 28 декабря (по старому стилю) 1869 года родился и 2 января 1870 года был крещён их пятый ребёнок Александр.

Последний перевод дьячка Романа Пщёлко в Николаевскую церковь Ореховского прихода Лепельского уезда Витебской губернии состоялся в 1875 году. Уже через два года, в 50-летнем возрасте, он был уволен за штат. При этом в формулярном списке ему дали такую характеристику: дьячок Пщёлко «читает и поёт хорошо, к письмоводству церковному способен, устав и катехизис достаточно знает, поведения честного, трезв, кроток и трудолюбив». Тогда, в 1877 году, его старший сын 21-летний Михаил учился в Витебской духовной семинарии, Александру было 8 лет, младшему – седьмому ребёнку Григорию – 3 года и жене – 42.

О детстве пастушка Александра Пщёлко мы уже знаем из письма Черемнова Горькому. Через много лет, в 1916 году, Пщёлко вспоминал: «...я всё детство провёл, можно сказать, в отчаянной нищете». Отец скончался рано. Эта нищета следовала за ним в Полоцком духовном училище, которое он окончил в 1885 году, в Витебской духовной семинарии, оконченной с отличием в 1890 году, и в Витебском Марковом монастыре, где Александр послушником почти год готовился принять монашество. Оттуда он «должен был уйти, главным образом, потому, что нужно было изыскивать средства для содержания старухи-матери, сестёр, братьев, тёток». Почти три года, с 1 января 1892 по 28 ноября 1894 года, Александр был псаломщиком той самой Черствятской церкви, в которой ранее служил дьячком его отец и был крещён сам Александр. Его жа-

лование составляло лишь 8 руб. 42 коп. в месяц. Семинарское образование позволило ему 18 мая 1895 года получить место учителя приготовительного класса Зачернянской низшей сельскохозяйственной школы I разряда. Своё увольнение отсюда по прошению 24 февраля 1897 года он в воспоминаниях объяснял с некоторым пафосом: «Изучив здесь разного рода отрасли сельского хозяйства и желая принести посильную помощь народу, я поступил в народную школу» 24 марта 1897 года. Это было Ореховское народное училище Лепельского уезда. Напомним, что в Ореховском приходе, где отец служил последние два года и где осталась жить семья после его ухода за штат, и прошло детство Александра до поступления в духовное училище. Там он «прослужил более трёх с половиной лет, получая 12 руб. 50 коп. в месяц и занимаясь с учениками в деревнях хозяйством».

Нелёгкая разнообразная работа в народной среде, масса впечатлений от общения с белорусскими крестьянами подтолкнули Пщёлко к литературному творчеству. Именно в годы учительства он стал печататься. Вероятно, первой публикацией стал белорусский эскиз «Замойжанский кирмаш» (в переводе – ярмарка, базар), появившийся в №№ 9 и 10 «Витебских губернских ведомостей» за 1898 год. В том же году с готового набора Витебская губернская типолитография перепечатала рассказ отдельной брошюрой объёмом в 15 страниц. Тогда же она издала этнографический очерк из жизни лепельских крестьян «Деды». В информации об А. Р. Пщёлко, размещённой в Интернете, отмечено, что в периодике на белорусском языке напечатаны, в частности, его рассказы «Дзяды» (деды), «Талака» (толока), «Зажинкі і абжынкi», «Беларускія святы» (праздники), «Мікітавы хаутуры» (похороны). Первый сборник его прозы – «Очерки из жизни белорусской деревни» – вышел в Витебске уже в следующем, 1899 году. Второе издание книги, выпущенное в 1902 году,

имело чуть изменённое название: «Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни».

Скудный заработок учителя и гонорары за публикации не обеспечивали сносное существование автора и его родни. Александру Пщёлко было уже за тридцать, когда он решил получить высшее образование и 22 сентября 1900 года, несмотря на отсутствие средств, поступил на юридический факультет Юрьевского университета. По упомянутым воспоминаниям, приходилось «переходить из квартиры в квартиру (к товарищам) и терпеть голод, холод и всякого рода нужду». Некоторую поддержку давали прежние связи с Витебском, где и в годы учёбы иногда печатались его отдельные рассказы, а то и целые сборники их. К примеру, «Янкина жалоба. Драматический этюд из жизни лепельских крестьян», который произвёл такое сильное впечатление на Черемнова, был опубликован в 1900 году, переиздан с дополнениями в 1902 году, а позднее, в 1906 году, вошёл в новый сборник.

А учёба, полугодие за полугодием, шла своим чередом. 3 декабря 1903 года Совет университета отметил почётным отзывом его конкурсную работу «Посредничество в приискании работы». Беда случилась, когда он был уже на последнем, 4-м курсе: «умерли моя мать и младший брат, которых я всей душой любил и к которым был привязан невероятно. Смерть этих двух близких мне людей расстроила моё здоровье настолько, что я бросил учиться и уехал на Кавказ, где и думал навсегда остаться; однако ж по увещанию товарищей и некоторых профессоров возвратился в университет, который окончил в 1904 г.». Его дипломная работа «Влияние несовершеннолетнего возраста на состояние вменяемости, виновности и наказуемости с научной точки зрения» была завершена 22 января 1904 года. Весной того же года перед лицом Юридической испытательной комиссии университета он благополучно сдал все экзамены, и 31 мая было под-

Представлено юридической Импери-
альной комиссией Императорских
Юрьевских университетов

Стушена Александра Ро-
манова Жуцкого

Прошение.

Прилагая при сем: 1, свидетельство юри-
дического факультета о зачете всеми полу-
ченного ипотечного, 2 свидетельство о владении полукур-
сового ипотечного, 3 свидетельство о безупре-
чном поведении и 4 своего градоградническу
карточку, покоряюсь прошу Ваше Пре-
восходительство допустить меня к
ипотечному, производящему ежегодно
своего Юридической Империальной Ко-
миссией при Императорских Юрьев-
ских университетах.

Покорный пра-
ведник Жуцкий

Юрьев, 12 апреля, 1904.

готовлено удостоверение о выдаче ему диплома 2-й степени. Сам диплом 29 января 1905 года направили в адрес редакции газеты «Витебские губернские ведомости», где он около года работал помощником редактора. 8 марта 1905 года его зачислили младшим кандидатом на должности по судебному ведомству при Виленской судебной палате (Вильна – это литовский Вильнюс, а Витебская губерния входила в судебный округ этой палаты). Там он служил помощником секретаря в гражданском департаменте, затем – в уголовном департаменте и Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 16 июня 1907 года был произведён за выслугу лет в чин коллежского секретаря.

Две подготовленные им в это время брошюры для сельского населения на актуальные темы («О потравах» и «Водка. Ответ крестьянам») виленская типография «Русский почин» напечатала по заказу Виленского общества «Крестьянин» в 1907 году. Годом раньше в той же типографии вышло упомянутое большое (на 248 страницах) «вновь исправленное и дополненное автором» издание «Очерков и рассказов из жизни белорусской деревни», содержащее 20 его произведений.

Высочайшим приказом от 17 мая 1908 года Пщёлко был назначен городским судьёй в Себеж, уездный город Витебской губернии. Три года службы в Себеже заполнились разнообразными событиями в его жизни. Очередной чин титулярного советника он получил 29 ноября 1910 года. Тогда же 40-летний судья женился на 27-летней учительнице Ксении Антоновне Фалевич – дочери дьякона православного собора Себежа, родившейся 24 января 1883 года. Их первый ребёнок – дочь Тамара – появилась на свет 18 февраля 1911 года, сын Сергей – 5 февраля 1913 года, дочь Ксения – 1 августа 1917 года.

И в Себеже Александр Пщёлко продолжал заниматься литературным трудом. В частности, отредактировал анонимную белорусскую поэму «Гарас на Парнасе», изданную в Витеб-

ске в 1910 году и ставшую популярной. Особый интерес представляют «Очерки города Себежа», подготовленные им в 1911 году для Витебской учёной архивной комиссии, но оставшиеся неопубликованными. В них приведены давно забытые страницы истории города и разнообразные, весьма любопытные сведения о быте и нравах себежан. «Очерки» прилагаются к этому докладу.

Ровно через три года, приказом от 16 мая 1911 года, Пщёлко назначили мировым судьёй 3-го участка Туккум-Тальсенского мирового округа, охватывавшего эти два уезда Курляндской губернии. Там, в первый день нового 1914 года, его наградили орденом святого Станислава 2-ой степени, 27 января пожаловали очередной чин коллежского асессора, а 14 апреля 1914 года переместили мировым судьёй 2-го участка Ревельско-Гапсальского мирового округа, обслуживавшего два уезда Эстляндской губернии. Полученный опыт юридической службы он использовал при подготовке двух полезных справочных изданий, таких как «Настольная книга для городских судей и земских начальников. Образцы и формы» (Петербург, 1912 г.) и «Настольная книга для мировых судей. Образцы делопроизводства» (Петроград, 1915 г.)

По материалам белорусских энциклопедических изданий, сообщённым витебскими библиотекарями, семья Пщёлко из-за приближения кайзеровских войск перебралась в Городецкий уезд Витебской губернии. Там в деревне Старый Болецк жила вдова его брата Вера Порфирьевна Пщёлко, преподававшая в местном женском народном училище. Она приютила семью Александра Романовича, получившего должность делопроизводителя военного комиссариата Болецкой волости. В апреле 1918 года семья перебралась в уездный город Городок. Ксения Антоновна стала преподавать в двух школах, а Александра Романовича назначили завхозом ГорОНО, разрешив вести уроки

пения во второй школе города. В апреле следующего года он возглавил уездную комиссию по делам несовершеннолетних.

Заниматься литературным трудом приходилось урывками, да и печатать свои наброски не удавалось. Зато он любил выступать перед рабочими и в школах, говорил о народных обычаях, читал свои рассказы и юморески, декламировал стихи... В июле 1920 года Пщёлко стал корреспондентом РОСТА. Затем, перебравшись в Полоцк, работал адвокатом, а также преподавал географию в лесном техникуме, создал белорусский народный хор. С 1927 года адвокатскую деятельность он продолжал в посёлке Старая Торопа Тверской области, переданном вместе с Торопецким уездом из Псковской в Тверскую губернию и находящемся неподалёку от современной границы между этими областями. На пенсию он вышел в 1933 году, скончался через десять лет, в 1943 году.

Своеобразная биография Александра Романовича Пщёлко достойна включения в энциклопедии тех мест, где он жил и трудился.

А. Пщелко

ОЧЕРКИ ГОРОДА СЕБЕЖА

(Статья в Витебскую ученую архивную комиссию, 1911 год)¹

Город Себеж значительно изменился по внешнему своему виду сравнительно с тем, как он выглядел лет 50—60 тому назад. Почти на середине теперешней улицы Петра Великого был пролив, отделавший центр города от его окрестностей. Таким образом, наш город стоял в то время на острове и общался с материком на лодках; затем, позднее, устроены были высокие клады, и только лет 30 тому назад была устроена насыпь — и город наконец стал сообщаться с остальным миром по грунтовому пути.

Затем, с самой древней поры стали различать здесь собственно Себеж, пригород Песчанку и так называемую Батарею (ту холмистую, со множеством искусственных рвов, часть города, где в свое время располагались войска, здесь квартировавшие). Все эти части города, расположенные около огромных озер, окруженные сосновыми лесами, среди возвышенных холмов и высоких сравнительно гор представляли собой чудную картину природы.

Местные старожилы почему-то убеждены, что город Себеж основан князьями Радзивиллами, но какими именно и когда — неизвестно (и что, Радзивиллы построили здесь замок на самой возвышенной части города). В настоящее время никаких следов замка на этой горе не усматривается, хотя эта гора и называется «замком». «Замок» был когда-то покрыт роскошными липами, березами, кленом. В настоящее время гора эта совершенно голая, только внизу на обрыве, у самого озера каким-то чудом сохранилось несколько гигантов лип. Нынешний «замок» был центром, куда устремлялись в свободное время и старые и малые себежане на гулянья особенно во время праздничных дней. В этом месте тогда играла музыка от частей войск, здесь расположенных.

¹ Пщелко А. Очерки города Себежа : (Статья в Витебскую ученую архивную комиссию, 1911 год). URL: <http://www.sebez.ru/schelko.php> (дата обращения: 15.05.2012).

Отсюда открывается роскошный вид на озеро, на окрестные леса, поля, деревни.

Сам по себе город лет 50—60 тому назад представлял небольшое белорусское местечко, населенное мещанами, панцирными боярами и квартировавшими в домах обывателей войсками. Здесь в разное время стояли войска: инвалидная команда, летучий полк, стрелковый батальон. Был даже устроен для обучения войск (верховая езда) огромный деревянный манеж (на мысу). Жители необычайно привыкали к войскам и, так сказать, сживались с их жизнью. Лишь только наступало время ученья, смотр, парад, небольшие маневры — жители, и стар и млад, бегут, бывало, к войскам и окружают их тесным кольцом. Вот почему город так горько плакал, когда последние отряды стрелкового батальона уходили на жительство в Вилькомир. Рассказывают, что особенно плакали жены обывателей (к величайшему горю мужей, совершенно не знавших, что их благоверные так увлечены сынами Марса).

По уходе войска жизнь как-то замерла. «Замок», служивший местом прогулок и празднеств, стал опустошаться, роскошные деревья срубили, скамьи и беседки порастащили; самое здание манежа поломали и разобрали на дрова. Старожилы рассказывают, что сами принимали участие в разгроме этого огромного здания, оставленного почему-то военным ведомством на произвол судьбы. Громили здание по преимуществу ночью. По всему городу разносились, точно из-под земли, глухие удары: обыватели пускали в ход топоры и ломы. Так растаскивалось это здание в продолжение 3—4 лет, и наконец, от него остался один старый фундамент, и тот через некоторое время разломали и растащили.

В то время главным занятием жителей была рыбная ловля. По преимуществу питались рыбой. Сбывали рыбу на сторону очень мало. Только 2—3 рыболова гужевым способом отправляли рыбу в Питер зимой.

В то время Себеж славился великолепными (по 1/2 ф. величиной) ершами, и сбыт их был весьма хороший, однако этот промысел давал заработок не более как 2—3 лицам, которых до сих пор

помнят старожилы. В летнее же время цена на рыбу стояла баснословно дешевая, так как сбыту не было почти никакого, а ловилось много рыбы.

Начиная с 10-х годов прошлого столетия Себеж стал завязывать непосредственные торговые сношения с Ригой водным путем. Лен, пенька, хлеб сплавлялись на баржах по озерам Вороново, Глубокое, Нечерцы, Лисно, Зеленец, Сволну, затем по реке Дриссе в Западную Двину до Риги. Первым купцом по сплаву товаров означенным путем был Новинский (местный предприимчивый купец). Он в 1810 году первый отправился в Ригу на судне в 5 саж. длины. Судно нагружено было льном (300 пудов). Для свалки товара на берегу озера были устроены амбары-сарай, из коих уцелело одно до сего времени на берегу озера. Впоследствии (в 70-х годах) торговля этим путем совершенно упала, и остался единственный способ доставки товаров путем гужевым.

Жизнь протекала здесь, по рассказам старожилков, чрезвычайно однообразно. Шум волн, вой ветра, перемешанный с завыванием волков, и какой-то заунывный стон, доносившийся из лесу, окружавшего озеро — все то наводило тоску на жителей, особенно зимой и осенью. Обыватели жили по-старосветски: мололи хлеб на ручных жерновах, откармливали свиней, ссорились, сплетничали, по вечерам ходили к «кабатчицам» (здесь кабаки большей частью почему-то были в руках женщин), а по пятницам—субботам спешили в баню. Оригинальный тогда способ существовал — приглашать жителей в баню. Банщики ходили с длинными шестами на плечах, на которых болтались веники и громко кричали: — В баню, православные, в баню! Баня уже готова. Дух сильный, хороший!

Отличительной особенностью обывателей была всегда страшная беднота, доходившая до нищеты, набожность и склонность к озорству, издевательствам. Целым событием в городе, о чем старожилы с восторгом вспоминают, было, например, такое озорство молодежи: толпа пьяных парней (человек 30—40) согласилась ночью вырвать с корнем все деревья в городе (город одним стряпчим высажен был деревьями). Деревья были вырваны и разбросаны по улицам. Или, например, у одной старушки ночью сняли крышу с дома. И все хохотали когда старушка никак не могла понять утром, как это крыша долой с ее хатки слетела.

Среди уездных городов нашей губернии Себеж; безусловно, самый оригинальный город. В самом деле, здесь и природа, и люди, их нравы; привычки — все представляет собой нечто совершенно особое, оригинальное.

Расположенный на длинном, почти на целую версту, полуострове, врезавшемся в огромное озеро, на полуострове, оканчивающемся высокой горой, на которой по странной игре природы сосредоточен центр местной жизни, — Себеж в осеннее время, по большей части, окутывается туманами, обуреваются непогодами, дождями, ветрами сильными, северными, пронизывающими до костей. В это время бедные домики города содрогаются до основания. От порывистых ветров негде укрыться обывателю. Ветер здесь жалобно воеет, разгуливает по городу, как в чистом поле. Здесь почти нет нигде зелени, деревьев... Шум волн в озере перемешивается со стуком ставень, со скрипом ворот, с голосами людей. И в эту непогоду бывает страшно пройти по городу, идешь по улице — и постоянно оглядываешься, не летит ли что-либо с крыши на голову, не сорвалась ли с петель дверь, вывеска... Все ведь здесь старо, едва висит, едва держится на своем месте. Вой ветра, шум волн всюду вас преследует, наводит на вас какую-то отчаянную скуку... Когда вы смотрите на волны морские, они вас поражают, устрашают, как нечто грандиозное, стихийное. А когда вы смотрите на волны здешнего озера — вам скучно, вас печаль гнетет, надрывает сердце.

Но вот озеро сковало вокруг города льдом. Картина резко изменяется. Подули метели, начались вьюги. Город постепенно засыпается снегом. Везде горы снега... Прямо ни пройти, ни проехать... Весна... Опять шум, ветры, треск огромных льдин. Летом — жара, песчаная пыль... Летают в воздухе сор, листья, солома, бумажки... Город переполнен пылью... Грустное впечатление сам по себе город представляет и летом. Единственно, чем живет в это время обыватель, — это чудными окрестностями... Везде, кругом на горизонте леса, горы... В это время невольно рвутся все из города... Скорей, скорей вот в тот темный лес, вот на ту высокую гору. А кто не может убежать, из душного города спешит к озеру. Скорей в воду... ведь она тут у самого окна... И бегут в воду и люди, и животные...

В это время — замечу кстати — город переполняется миазмами. Дело в том, что главная часть города расположена на горе, в конце полуострова. Здесь прижались дома один к другому весьма густо, здесь базарная площадь, казармы стражников, главные торговые и жилые здания. В этой именно части города, оторванной от полей и лесов на далекое расстояние, всякого рода нечистоты и отбросы свозятся обывателями и смываются дождями в озеро. Нужно заметить при этом, что у себежан оригинальный обычай: прятать нечистоты в землю. В ночное время обычно вырываются ямы на огородах и все засыпается землей. Весной, конечно, все это выплывает и сползает в озеро. Что поражает вас при въезде в город — это убогие, пошатнувшиеся, полуразрушенные дома... Как будто строили и не достроили, стали разрушать и не закончили. Тут же около домов едва держащиеся на петлях двери, ворота, столбы погнутые или стоят только колья, напоминающие, что здесь когда-то были заборы. Смело можно сказать, что нигде нельзя увидеть столько полуразрушенных домов, сараев, хлевов, навесов. Вы только удивляетесь, как это жители не боятся жить в этих наклонившихся набок, перекосившихся в сторону домиков: вам и жутко, и страшно, и досадно. Иногда вам кажется, что над городом только что разразилась катастрофа, землетрясение, изуродовавшее жилища горожан... Я не преувеличивая могу сказать, что 1/3 домиков и сараев настолько разрушилась, что по уставу строительному подлежит сносу, но никто их не сносит, и они десятки лет стоят и... не падают. Для курьеза укажу на здание, где помещается пожарная команда. Здание это едва держится на своих устоях. О сносе его полицией возбужден был вопрос еще в 1905 году, но здание это и до сих пор стоит на своем месте, и пожарная команда из него не уезжает нет, мол, другого подходящего здания, — въедешь в другой сарай — тот сейчас рухнет, а этот только угрожает падением...

По внешнему виду домики, по большей части, ничем не отличаются от сараев: редко в котором вы найдете парадный ход, и, чтобы проникнуть в такое обиталище — сарай, вам необходимо юркнуть в маленькую калитку (калитка здесь никогда не затворяется, да и запоров нигде почти нет) и во дворе уже вы должны отыскать вход в дом. Вероятно, для того, чтоб эти домики вы не смешали с сарайчиками, на них большими буквами написано «дом». Таковы по преимуществу обиталища себежан. Добавьте

к тому, что все эти домики построены, как говорится, на живую нитку, на дачный манер, строили их на «авось», как-нибудь, все они, как говорится, ветром подбиты: живя в них, можно приобрести ревматизм всех суставов грешного тела: и обыватели не живут в них, а стонут, горюют, дрожат. Насколько убоги домики, настолько же убоги и их обитатели. Такой нищеты, вы наверное нигде не встретите. Всматриваясь в прохожих, вы замечаете, что они одеты по большей части в рубища.. Местные жители — я разумею мещан — как-то очень уж свыклись с тряпьем: что бы ни надели, вес у них болтается, треплется ветром, как у чучел на огороде Если же кто и новое что-либо сошьет, то оно лежит на нем, как па покойнике, и кажется сшитым совсем на другого человека...

Обыватели местные — чрезвычайно любопытные типы. Они, прежде всего, если можно так выразиться, представляют странную смесь благочестия с нечестием... Они очень набожны в смысле исполнения разного рода церковных обрядов, любят посещать дневные и вечерние службы. Любят глядеть на свадьбы, и похороны, но, с другой стороны, они очень ленивы, неподвижны, склонны к пьянству и с отвращением смотрят на труд физический. Если бы вы захотели узнать, чем заняты жители, то натолкнулись бы на чрезвычайно интересную особенность местной жизни. Здесь нет ни кустарной промышленности, ни скотоводства, ни земледелия. Здесь нет традиционного местного промысла, нет своего родного дела, которое бы передавалось от отцов к детям, как это бывает в других городах. Здесь нет такого дела, которым гордились бы деды-прадеды и которому бы научились потомки. В других городах нашей губернии (Полоцке, Велиже, Лепеле) есть гончарники, лубочники, садовники, огородники, каменщики. Здесь ничего подобного нет. Нужно удивляться, чем здешние люди живы. Немного посеять картофеля, свеклы, ячменя, выкормить борова, сходить урывками кое-когда на заработки (каменщиком, печником — в качестве подмастерья к какому-либо пришлому мастеру), половить рыбу бреднем, наносить воды евреям и чиновникам, вычистить у кого-либо выгребные ямы, прислужиться в еврейской синагоге по пятницам и субботам — вот все, кажется, чем живы местные обыватели, что дает им хлеб насущный. И заметьте, главный заработок для лиц мужского и женского пола — это ношение воды по домам. В самом деле, этот промысел спасает многих от голодной смерти. Город, несмотря на то, что

окружен водой, очень нуждается в водоносах. Большинство домов расположено на высоких холмах. Принести туда воду не очень-то легко. Везти воду здесь не в обычае. Колодцев в городе почти нигде нет. Поневоле нужно обращаться с просьбой к водоносам. Заметьте притом, что все указанные занятия жителей не составляют какого-либо постоянного промысла. Нет. Человек работает только до тех пор, пока вырвет из рук хозяина копейку. А потом — скорее покупает хлеба детям и сам спешит в пивную. Почувствует голод, слезает с печи, ищет заработка «на хлебе». Потом перерыв до следующей голодовки и т. д.

Замечательно, что ведь город владеет огромными угодьями (до 5000 десятин земли). Казалось бы, местные жители могли бы брать огромное количество земли в аренду и таким образом извлекать из земли большие доходы. Однако ж здешняя городская обрабатывается по преимуществу приезжими из деревень (верст даже за 10 от города) крестьянами, а мещане у них покупают и сено, и солому, и овощи, и хлеб. Попробуете сказать: — Да почему бы вам, в самом деле, землю не обрабатывать? — Худо нам: мы не сподручны... Мы — не мужики... У нас и лошади, и всяких принадлежностей для земли нет...

Что здесь еще губит человека — это любовь «справлять праздничину». В городе (а равно и уезде) существуют оригинальные «праздничины». Празднуют Казанскую, Дмитровщину, Флоровщину (Флора и Лавра), Покровщину, Никольщину. Город разделяется по праздничинам на отдельные части: в одном конце празднуют Казанскую, в другом — Покровщину, в третьем — Никольщину...

Ко время праздничины все идет вверх ногами — последняя копейка ребром. Празднуют дней 5—6. После праздничины, конечно, кладут зубы на полку.

— Что ж поделаться? Так деды наши жили! — говорят обыватели. Еще более замечательная черта здешних обывателей — любовь к нищенству. Многие прямо-таки обратили нищенство в отхожий промысел (ездят нищенствовать в СПб.). Есть здесь оригинальные калики перехожие, которых постоянно высылают из Питера, и они снова и снова туда ползут. Затем, не считается зазорным посылать по городу детей — нищенствовать. Отец или мать лежат на печи и говорят детям:

— Ну, одевайтесь, детки! Ужо пора идти по городу!
Дети надевают ужасное тряпье, обувают ноги в суконки, обвязываются длинными торбами и идут на промысел.

Подрастающая молодежь и детвора составляют особый мир. Кто из них учится, для тех ученье составляет нечто совершенно стороннее: тут ведь важно только числиться в школе. Проказы, озорничество, похождения кабацкого свойства, игры с выбитием глаз, с повреждением черепов — вот их дела. Здесь вы не заметите стремления, окончив местную школу, продолжать ученье где-либо дальше, выйти, так сказать, в люди. Огромное большинство даже не оканчивает школ, а тот, кто окончил школу, окончил ее с чрезвычайно слабыми знаниями в русском языке, арифметике и проч. предметах первоначального обучения. У меня, например, несколько мальчиков, окончивших здешние школы, перебивало в услужении, и я употреблял все усилия к тому, чтоб приучить их к чтению, старался их приготовить в какую-либо школу, но они систематически уклонялись от занятий и прямо говорили:
— Нам ничего этого не нужно!

У молодежи в самых детских еще годах является склонность к франтовству, к озорничеству, картежным играм и пьянству. Картежной игрой занимается детвора даже 7—8 лет и играет с азартом, с криками и бронями. Играют дома, в сараях, на чердаках, на улице среди прохожих.

Мне, например, приходилось наблюдать такую картину. Стоит на солнцепеке дырявая хатка, наполненная и старыми и малыми людьми. В отворенных сенях видно, как малые ребята поставили обрубок дерева и на нем играют в карты. Какая-то старушка, отворяя дверь из хаты в сени, задела игроков. Тотчас послышалась грубая брань мальчугана:

— А ты что... (Тут он вставляет площадную брань.) .. ходишь... Только мешаешь играть!

— Да вы чего под дверью... отодвиньтесь! — замечает старушка.

— Я тебе отодвинусь! — кричит уже другой кто-то из детвора, хлопая картами по обрубку. — Заходи, Митра, я твоего короля побил!

Такое небрежное воспитание детей, такое отрицательное отношение к обучению отражается весьма печально на

подрастающем поколении Себежа. Из этого судьбой обойденного города за последнее столетие — насколько мне удалось выяснить — ни одного более или менее замечательного или выдающегося в каком-либо отношении человека не вышло. Оканчивающие местную школу стремились обычно уйти в чиновники, в писцы в управу, в помощники волостных писарей, и карьера их была, в огромном большинстве случаев, весьма печальна: они или спивались и обращались в босяков, или совершенно покидали город и уходили в страну далеку, откуда уже никаких вестей о себе не присылали, или делались так называемыми «золоторотцами» Апраксина рынка в С-Петербурге. Обратиться в босяка, впрочем, здесь не считается зазорным. «От сумы и тюрьмы», «бедность не порок» — вот пословицы, коими оправдывают свое обнищание дешние босяки и хулиганы.

Что же касается женского пола, то в этом отношении наблюдается полное порабощение женщин мужчиной на началах, положенных домостроем. Затем, женщины пьют почти одинаково, как и мужчины. Наконец, здесь, как нигде, кажется, развит конкубинат. Иметь любовника, иметь внебрачных детей — здесь не считается позорным. Да этого мало. Одна и та же женщина имеет в разных частях города по 3—4 любовника, хотя бы и замужняя, наоборот, мужчины (даже живущие за 5—10 верст от города крестьяне) имеют в Себеже побочных жен по 5—6 штук. Прямо-таки, можно сказать, мусульманские нравы! И горе для города именно в том, что все эти любовники и любовницы производят внебрачных детей, которые затем обращаются в нищих и составляют местный пролетариат.

Вам приходится наталкиваться на картины, заставляющие вас приходиться в ужас. В полуразвалившейся хатке живут три водоноски. У каждой по 5—6—7 детей внебрачных. Все ютятся в ужасной грязи: от платья, одежда — одни жалкие остатки: дети грязные, лица их покрыты язвами, головы обросли большими волосами; валяются по полу почти голые тела, вполне напоминающие собой дикарей. Живут — голодают, редко видят хлеб, питаются по преимуществу картошкой.

— А где же муж? — спрашиваю одну из обитательниц этой хатки.

— Мужа у меня совсем и не бывало... Это дети у меня... так себе... без мужа... разные... — говорит водоноска, улыбаясь.

— Да как же вы успеваете хлеба заработать на семь ртов?
— Воду ношу... Заработаю — ладно... не заработаю... поголодают...
А Семка и Гришка, — показывает она на двоих рыжих страшных
волосатых дикарей, — Уже ходят, копеечки собирают. Что делать!
Живем, как Бог пошлет!
— Что ж! У вас, кажется, еще скоро кто-либо родится? — замечаю
я.
— Кто же знает, кого Бог пошлет... — жалобно вдруг поет
женщина. — Да вот. Слаба стала... Может, с этих родов и помру...

Замечательная еще черта у здешних жителей — не любят
зелени, цветов, деревьев. Посадите деревцо, вбейте около него
кол, укрепите саженец за этот кол — и как бы вы зорко за ним
ни следили — деревцо вырвут обязательно с корнем и бросят
на улице. Сколько здесь за целое столетие перебивало лиц,
преисполненных искренними желаниями оздоровить город,
защитить его от ветров, вьюг, метелей, солнечных лучей, — никто
ничего не мог поделаться, у всех руки опускались. Казалось всем,
что здесь живут не русские люди, а какие-то австралийские дикари.
Вырвать дерево, сломать его — и затем из-за угла любоваться,
как вы начинаете досадовать, что пропал ваш труд, кажется, для
местного обывателя нет высшего наслаждения. Ломать, рвать,
уничтожать — это чуть не совершать подвиги. Я, например, давно
уж хочу развести у своих окон елочки: посажу их, поливаю: слава
Богу, проросли, начинаю любоваться и хвалюсь: вот смотрите —
растут — и никто их не выдернул.
— Подождите, скоро выдерут! — говорят мне.
И деревца действительно выдернули и бросили на улицу... Я их
снова посадил, а их опять выдернули...

Ломают, конечно, не только с целью озорства, но и с целью извлечь
пользу. Дело в том, что обыватели почти никогда не покупают дров,
а отапливаются... изгородями, заборами, которые плохо стоят, и
городским лесом. Замечательное явление местной жизни. С весны
люди ставят изгороди, частоколы, заборы; с осени начинается
постепенное уничтожение всех этих преград. Идет один человек
— вырвет, выломает кол и несет домой, идет другой — тащит
два кола, к концу осени — смотришь — половины изгороди не
стало, а к концу зимы от всех частоколов, заборов, изгородей в

большинстве случаев — одни воспоминания. Весной начинают снова ставить заборы, изгороди и т. д.

Затем если обывателю не хватает для отопления заборов, то он забирает с собой «сечку» (топоры редко у кого есть) и идет в городской лес рубить дрова. Нарубит палок 6—7 сосенок и несет на плечах... С обывателем по большей части идут и его дети, которые тащат по палке... Так и расхищается лес городской, несмотря на то, что город имеет лесную стражу. Правду нужно сказать, что здесь охрана леса ничем никогда не проявила себя: никогда не было ни протоколов, ни судебных разбирательств по поводу порубок. Жители вполне убеждены, что они имеют право рубить лес: они городские и лес городской... А стража получает жалованье и говорит: этот лес все равно не вырастет.

Оригинальное вообще здесь городское хозяйство. Город, обладающий 5000 десятин земли, собственно говоря, — самый бедный город в губернии (судя даже по недоимкам, которые за ним числятся). Земли сдаются почему-то за бесценок (по 2—3—4 руб. за десятину), огромные рыбные богатства испокон века в руках евреев и тоже дают ничтожный доход (около 500 руб. в год). Накопившиеся недоимки с арендаторов не взыскиваются по целым десяткам лет. Многие недоимки покрыты уже давностью и взысканы не могут быть. Оттого в городе, собственно говоря, ничего не сделано в смысле благоустройства — ни колодцев, ни освещения; ни пожарной команды более или менее удовлетворительной, ни общественных ретиратов на базарной площади. Огромная часть улиц не мощена, везде выбоины, тротуары — капкан для прохожих. Даже для ограды местного старого кладбища (по пути в центре города) местное самоуправление не изыщет средств, и, к стыду православного люда, кладбище это разрушается, кости выкапываются и валяются на глазах прохожих. Такому позору кости православных, наверное, не подвергаются ни в Японии, ни в Китае. Город, видимо, все больше и больше приходит в упадок и умирает...

В заключение моих очерков я должен сказать два слова о местной подпольной адвокатуре и о ...кладбище. По моим вычислениям, на 5 с 1/2 тысячи жителей имеется налицо... 32 подпольных адвоката. Пишут прошения и кляузы лавочкины, босяки, парикмахеры,

бросившие землю и переселившиеся сюда крестьяне, бывшие чиновники. Все взялись за перо, все живут с кляуз. Оттого здесь каждое решение суда обжалуется. Оттого здесь каждого приезжего мужика обступают адвокаты, как мухи, и тащат в кабаки, в пивные для составления им жалоб. Иногда даже собираются консилиумы из таких адвокатов, и консилиумы эти всего за два рубля и за полбутылки в придачу готовы днем и ночью строчить жалобы и апелляции и в Сенат, и в Консисторию, и в архиерею... и в «Гвардейское экипажное общество».

Кладбище... Тихая обитель мертвых, к сожалению, и мертвым здесь не очень-то покойно. На кладбище у нас очень часто происходят буйства, ругня, драки и всякого рода бесчинство. И на кладбище жители Себежа остаются верными себе — все те же оригинальные типы. Дело, видите, не в том, что кладбище служит здесь почему-то местом для прогулок влюбленных пар, и так как обыватели, как я уже заметил выше, весьма «любвеобильны», то на романтической почве между рыцарями возгораются часто дуэли, или, вернее, потасовки, с выбытием зубов и с разного рода членовредительствами... Затем мальчуганы сбегаются сюда целыми стаями дня того, чтобы бить птиц, разорять их гнезда, рвать цветы и ломать деревья, кресты и ограды... А главное — что наиболее тревожит кости мертвых — это спор о местах. Гражданин себежский, у которого волею Божиею кто-либо скончался, — спешит захватить себе как можно больше места на кладбище... не для мертвого только, но для всей семьи, для будущих потомков. Захватывается в сих видах земли по крайней мере на 30 человек. Захваченное место огораживается скамьями... но вот начали копать свежую могилу... откуда ни возьмись — являются родственники давно погребенных и требуют, чтоб вырываемая могила была закопана, потому что захвачено «их» место. Начинается спор, ругня, свойственная Себежу, ругня переходит в драку и потасовку. Гробокопатели пускают в ход лопаты, родственники «обиженных костей» хватаются за колья. Бывают случаи, когда гробокопателей едва не зарывают в ямы живых... когда перекоп на стороне «обиженных костей». Все это кончается появлением полиции, составлением протоколов.

ЦГИА Белоруссии. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 159. Л. 10—21. Подлинник, машинопись.